

Н. Пушкарева: *Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница*, Москва: Издательство «Ломоносовъ» 2011, 216 с.

Увидев в магазине изящную книжку под заглавием *Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии* с завлекательным подзаголовком *Невеста, жена, любовница*, я подумала, что она может вызвать интерес у моих студентов и разнообразить наши занятия по истории русской культуры. Аннотация издательства на обороте переплета гласила, что в этом «блестящем исследовании» рассказывается о том, «Из чего складывался повседневный быт и досуг русской женщины, как выходили замуж и жили в супружестве, как воспитывали детей, как любили, на какие жертвы шли ради любви, какую роль в жизни древнерусской женщины играл секс – об этом и еще о многом, многом другом».

Формула научно-популярной книги (а она вышла в известной серии «история / география / этнография») обещала доступность изложения, обширный предметно-терминологический указатель и столь же обширные примечания со ссылками на множество научных публикаций, а также гриф Института этнологии и антропологии РАН – научную дотошность. В *Предисловии* автор рассказывает о своем увлечении «историей снизу», историей частной жизни, пишет о трудностях, которые встают на пути исследователя, захотевшего изучить частную жизнь женщины Древней Руси и Московского государства, и выражает надежду, что своей книгой сможет «поддержать интерес молодого поколения к новой демографической истории, истории эмоций и психоистории» (с. 11).

Расположение материала в книге несколько сбивчиво. Во введении автор пишет: «Предлагая один из вариантов реконструкции картины повседневного быта и частной жизни женщины в X – начале XIX веков (так в оригинале! – Э. М.), необходимо соотнести хронологические этапы „истории женщин“ с основными вехами российской истории» (с. 9), после чего очень бегло называет «внутренние временные рубежи» политической истории Древней Руси и Московского государства, а также «эволюции социального, правового, семейного статуса русских женщин X–XVII веков» (с. 10), в самой же книге господствует не до конца продуманный тематический принцип. Итак, в первой главе («*Не хочу за Владимира, но за Ярополка хочу...*»). *Жизнь в браке: «самостоятельность» или «зависимость»?*) рассказывается о жизни в браке, во второй («*А про дом свой изволишь вспомнить...*» *Повседневный быт: работа и досуг*) – о повседневном быте, в третьей («*Милость свою матери покажи, не забудь...*» *Материнство и воспитание детей*) – о материнстве и воспитании детей, в четвертой – «*Добрую жену неудобь обрести...*» с уточняющим подзаголовком *Супружеская роль* автор снова

возвращается к теме, затронутой в первой главе, в пятой – «Свет моя, Игнатьевна...» внимание исследовательницы привлекают «интимные переживания. Любовь в браке и вне его».

Как известно, источниковедческая база подобных исследований по разным причинам весьма ограничена. Поэтому для воссоздания картины частной жизни женщины в Древней Руси и Московской Руси приходится выявлять и исследовать все доступные источники, имеющие информационную ценность для реконструкции частной жизни. В данном случае это, прежде всего, летописи, деловые и правовые документы (церковные уставы, светские нормативные акты), берестяные грамоты, реже мемуарные свидетельства, позволяющие определить границы допустимого и недопустимого в поведении женщины того далекого времени. Привлекаются в качестве источников и литературные памятники Древней Руси, как оригинальные, так и переводные.

Когда Н. Пушкарева опирается на документы, частную переписку, наблюдения иностранцев и т. п., реконструкция образа женской жизни выглядит вероятной, обидно, что ученая, ради красного словца и своеобразной политкорректности, в качестве доказательств цитирует тексты, которые не отражают ни состояния умов, ни тем более реального положения вещей в Древней Руси и Московском государстве допетровского времени.

Особо раздражает совершенно произвольная интерпретация памятников переводной литературы XVII в., из которых Пушкарева путем извлечения из более широкого контекста таких фрагментов, которые якобы красноречиво показывают процессы эмансипации русской женщины на пороге Нового времени, вычитывает то, что ей хочется. Чтобы не быть голословной, приведу несколько примеров.

Говоря о причинах так называемого «теремного затворничества» русских женщин, автор ссылается на свидетельство анонимного англичанина, посетившего Московию в начале XVII в., и в скобках, выделяя курсивом слова рассказчика, объясняющие поведение жестокого мужа, приводит следующую цитату: «ср.: „имея у себе жену велми красну, замыкаше ея всегда от ревности своя к ней, во высочайшем тереме своем, ключи же от терема того при себе ношаше“» (с. 50). Приведенные слова почерпнуты из *Притчи седмой цесаревы о некоем крале, како ему к себе примшиу рыцаря и отдаде за него кралеву свою пирования ради своею неумностию*, входившей в состав восточной по своему происхождению *Повести о семи мудрецах*, переведенной с польского языка в начале XVII в. и разрабатывающей расхожий сюжет об украденной жене¹. Ее действие разворачивается в некоей стране, муж, запиравший красивую жену в тереме, это «некий краль» (знаменательно, что в цитате этот фрагмент опущен), а не русский вельможа или царь. Читатель, который такой информации лишен, поверит, что речь идет о жизни русской женщины, а тот, кто не заглянет в приме-

¹ Ср.: Е. Мафек, *Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв.*, Łódź 2000, т. I, с. 356–357.

чания, и вовсе сочтет цитату за выдержку из заметок анонимного англичанина, который пытался понять мотивы странного поведения русских мужей.

В третьей главе в качестве примера, иллюстрирующего правильный подход к взаимоотношениям супругов, цитируется *Повесть четвертая о некоем рыцаре и о жене его, еже како она восхоте любити попа* из той же *Повести о семи мудрецах*. Напомним, что она рассказана четвертым мудрецом для того, чтобы помочь цесарю Елиозару понять, что он не должен верить своей молодой жене, оклеветавшей пасынка. Пушкарева же пишет: «В „Повести о семи мудрецах“, **созданной современником (или современницей?) Е. П. Урусовой**², представлен не житийный идеал, но житейски умудренная женщина, которая также учила дочь умению прощать и не держать зла на мужа. Прощение недостатков и проступков друг другу должно было, по мысли автора „Повести“, укреплять отношения супругов, создавая атмосферу искренности и доверия („искуси мужа своего виною, аще ли тя простит – и ты люби“). Казалось бы, прекрасный пример. На самом же деле диалог матери с дочерью в притче четвертого мудреца завершается по-другому. Дочь жалуется матери на то, что старый муж «лежит на ложи, аки колода», и поэтому она хочет завести любовь с попом. Мать пытается убедить ее, что лучше «любити рыцаря и дворянина, ино меньши греха», но дочь отвечает: «Попа хощу любити». Тогда мать говорит: «Послушай совета моего: искуси мужа своего, аще ли тя простит, и ты люби **попа**»³. Как нетрудно заметить, мать учит дочь вовсе не тому, о чем пишет Пушкарева.

Фрагмент «умело» отредактированного диалога матери с дочерью из той же *Повести о некоем рыцаре и о жене его* Пушкарева цитирует также на с. 16–17 как дополнение свидетельства Котошихина о «возможности заключения брака на основании личной склонности», на этот раз умалчивая, что героиня, которая «попа хощет», уже замужем, а разговор с матерью не касается **выбора жениха, но любовника**.

На с. 124 автор монографии опять обращается к *Повести о семи мудрецах*, утверждая, что это самый яркий пример произведения «русской литературы раннего Нового времени», отразившего «перемены в области собственно женских чувств». Чтобы отклонить возможные сомнения читателей, в данном случае Пушкарева пишет, что повесть, мол, переводная, «но дополненная компилятором (а на с. 50, как помним, она утверждала, что повесть создана на Руси) некоторыми русскими фольклорно-сказочными деталями» (какими, не уточняется), после чего цитирует фрагмент обрамляющей повести, в которой рассказывается о попытке второй жены царя Римской области Елеозара соблазнить пасынка, т. е. царевича Диоклетиана. Имя Диоклетиана опущено, а последние слова царицы опять «умело» отредактированы. И если в оригинале читаем: «Гляди,

² Здесь и дальше выделение жирным шрифтом мое – Э. М. На чем основано такое предположение уже, к сожалению, не говорится.

³ Ср.: *Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая*, Москва 1968, с. 213.

Диоклитиане, зри и люби белое тело мое **по своей воле, аще ли сего не сотвориши, то злою смертью умреши**», то у Пушкаревой остается только первая часть фразы, а именно: «Гляди, зри и люби белое тело мое!» Благодаря такому несложному приему исследовательница может сделать очередной важный вывод. «Вероятно лишь в „Беседе отца с сыном о женской злобе“ в описании поведения, разумеется, „злой жены“ – можно найти что-то аналогичное». А героиня *Повести о семи мудрецах* к этому разряду не относится? Ведь именно ее в следующих главах обличают мудрецы и сам оклеветанный похотливой мачехой Диоклитиан.

Повесть о семи мудрецах привлекается также в качестве доказательства пренебрежения «строгостью церковных предписаний» по отношению к повторным бракам: в данном случае исследовательница ссылается на тот фрагмент обрамляющей повести, в котором говорится, что цесарские «боляре и воеводы, и князи местныя, и дворяне думныя, и начальнейшия всея Римской области», опасаясь, что государство может остаться без наследника, советовали цесарю повторно жениться (с. 17–18), совершенно – на мой взгляд – произвольно интерпретируя их слова, как отражение реальных настроений жителей Московской Руси.

Автору монографии очень хочется показать «изменение отношения к физиологии» и к женскому телу. Проявление первой тенденции обнаруживает даже в «знаменитой книге „Сатир“ (1684 год), настаивавшей, – как пишет, – на „равенстве“ всех частей тела, каждая из которых – „равне главе и тужде восприемлет честь“, и в некоторых детализированных описаниях женского тела в посадских повестях» (с. 120–121). На сей раз исследовательница вырывает из контекста фрагмент одной из проповедей из рукописного сборника *Статир* (а не *Сатир*, как ошибочно читает заглавие Пушкарева), авторство которого приписывается Потапу Прокофьеву Игольнишникову⁴. Если бы автор монографии вчиталась в предисловие к сборнику, то узнала бы, что странное заглавие отсылает к камню, называемому статир («камень честен, иже в Сирии родится [...], **духовне же разумеется статир исповедание слова Божия**»), а собранные в сборнике проповеди и поучения направлены, как давно известно, «против богатства, в защиту бедности»⁵, и, следовательно, никак не связаны с физиологией женского тела.

Кстати, здесь стоит упомянуть очень удачное наблюдение М. С. Киселевой о внимании барочных проповедников к телу. «Барочная проповедь, – пишет она, – задается [...] равнонеобходимым обращением к телесному и душевному началам в составе человека. Более того, создается впечатление, что проповеднику невозможно построить убедительное рассуждение без обращения не только к нравственным обязанностям, но к чувствующему живому человеку. Точнее сказать, Слово проповедника должно быть ощутимо, оно как бы „подвешивается“, становится частью разных составов

⁴ См.: Т. В. Буланина, *Потоп Прокофьев Игольнишников*, [в:] *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в.*, ч. 3: П–С, Санкт-Петербург 1998, с. 268–272.

⁵ Ср.: *Книги старого Урала*, Свердловск 1989, с. 66.

тела, души, ума и проч. Внимание к телу в текстах проповедей XVII в. ничуть не меньше, чем к душе и чувствам человека. Для барочного автора тело становится источником множества метафор и сравнений, доносящих до слушателя главную тему [...] его наставлений, адресованных человеку, спасающему свою душу»⁶. Поэтому мы полностью разделяем мнение Н. Ф. Сгибневой, которая заметила, что автор *Статира* «неоднократно прибегает к барочным развернутым метафорам, соединяющим духовное и телесное начала в человеке, что делает слово проповедника осязаемым, наглядным, осязаемым, способствует заострению обсуждаемой проблемы»⁷.

Второй из примеров, с помощью которого Пушкарева хочет показать внимание авторов неких «посадских повестей» (не будем вникать, на каком основании исследовательница относит *Повесть о купце* к посадской литературе и что под термином «посадская повесть» понимает) к женскому телу, взят из Назидательной редакции переводной *Повести утешной о купце*, которая (правда, очень опосредованно) восходит к *Декамерону*, но которая к моменту перевода на русский язык уже лишилась многих элементов возрожденческой философии. Вопреки утверждению исследовательницы описание бородавки «под левым сосцем» жены купца Викентия выполняет вовсе не эротическую функцию: оно нужно лишь для того, чтобы Амбросий смог оклеветать Флорентию перед ее мужем и выиграть заклад. Никаких чувственных переживаний обнаженная красавица у него не вызывает, ему хочется лишь как можно скорее покинуть комнату Флорентии, куда он попал запертый в скриню с небольшим отверстием, позволяющим приглядеться раздевающейся ко сну женщине. Об этой ситуации расскажет сам следующим образом: «Аз же утлюию прилежно смотрях и узрех на теле ея под левым сосцем борадавку з пятию или з шестию власы лисоватыми. А с нею ни единого слова глаголах и гласа моего не смеях явити ей, а потом нигде никогда видех ея»⁸.

Очередной пример, приведенный Пушкаревой, на первый взгляд действительно мог бы иллюстрировать изменение представлений русского общества о красоте женского тела. Но только на первый взгляд. Дело в том, что в монографии цитируется лишь тот фрагмент *Повести о Петре Златых ключей*, из которого узнаем, что герой любовался красотой спящей

⁶ М. С. Киселева, «Ключь живота и смерти»: антропология русского барокко в православной проповеди XVII в., [в:] *Человек в культуре русского барокко: материалы международной конференции*, Москва 2006, цит. по: <http://http://barocco2006.narod.ru/kiseleva.htm>.

⁷ Н. Ф. Сгибнева, «Яко не просто нищета спасает и богатство погубляет...»: о богатстве и нищете в сборнике проповедей «Статир» (конец XVII в.), «Известия Уральского государственного университета», серия 2: Гуманитарные науки, 2011, № 2 (90), с. 226.

⁸ Цит. по самому раннему списку Назидательной редакции конца XVII в. – нач. XVIII в. из коллекции Sächsische Landesbibliothek – Staats- und Universitätsbibliothek Dresden, шифр: № 6 (Of. 90), л. 102 об. В первоначальной редакции *Повести о купце*, рассказчик прокомментировал сцену пребывания Амбросия в спальне Флорентии следующим образом: «Тое себе добре в память взял к доводу своея хитрости». Ср. также: Э. Малэк, *К изучению древнерусского перевода «Повести о купце» Б. Будного*, «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XXXIV, Ленинград 1979, с. 332–338 и Э. Малэк, «*Повесть утешная о купце*» Беняша Будного в Польше и на Руси (между ренессансной новеллой и назидательной повестью) (в печати).

Магилены и, не будучи в состоянии сдержать своих чувств, «расстегал платье ее против груди, хотя дале видеть белое тело ее». Цитата обрывается на словах рассказчика: «И показалась красота не человеческая, но ангельская». «Трудно даже вообразить себе, – восклицает автор монографии, – что вид обнаженной женской груди мог быть назван «ангельскою красотою» столетием раньше!» (с. 121) Но стоит лишь процитировать два последующие предложения из романа о Петре и Магилене, чтобы убедиться в неправомерности выводов исследовательницы. «И запаметовав, кого порукою дал, – сообщает с горечью рассказчик, – стал мыслить иное, неподобное дело. Видя господь бог ево неистовство и тот нечестный умысл его, изволил всю его утеху отнять у него, не хотя видеть обоих во греху и на позору»⁹. Оказывается, «ангельская красота» Магилены вовсе не так безобидна, как хотелось бы Пушкаревой. И «нездоровый» интерес к ней автором романа осуждается. Петр наказан многолетней разлукой со своей возлюбленной. Вырванная из контекста цитата может и вправду убедить читателей, что раньше на Руси такого быть не могло, а теперь, пожалуйста, все меняется, и литература уже показывает героев, которые умеют любоваться женской красотой. Но не туда дорога...

Из других памятников, содержание которых так же произвольно интерпретируется автором монографии, назовем еще повесть-сказку *Слово о купцы и о сыне его и о жене сыновне* на сюжет сказок о добрых советах (АТ 910В) и *Повесть о Фроле Скобееве*. В последнем случае совершенно игнорируется автором монографии очень обоснованная гипотеза о более поздней датировке *Повести о Фроле Скобееве*, а также не учитывается связь ее сюжета со святочными играми¹⁰. Никак не осмысливается притчевое звучание *Повести о Петре и Февронии*¹¹, которая в популярных публикациях прослыла аналогом романа о Тристане и Изольде. Примеры можно бы множить¹².

Использование художественной литературы (как впрочем и фольклорных текстов) в качестве документа, отражающего реальную действительность, весьма и весьма рискованно. Если же исследователь выбирает лишь тексты (и причем еще, как мы старались показать, определенным образом «обработанные»), которые помогают ему удостоверить исходный тезис, и в то же время игнорирует все, которые такому тезису противоречат, то не только совершает методологическую ошибку, но и намеренно вводит читателей в заблуждение. И как ложка дегтя может испортить бочку меда, так включение в состав источников по истории частной жизни русских женщин особо «отредактированных» памятников древнерусской

⁹ Цит. по изданию в: *Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая*, Москва 1968, с. 347.

¹⁰ Ср.: Е. В. Душечкина, *О «Фроле Скобееве» и о Фроле Скобееве*, [в:] А. М. Панченко и русская культура. *Исследования и материалы*, Санкт-Петербург 2008, с. 67–77.

¹¹ Ср.: Н. С. Демкова, *К интерпретации «Повести о Петре и Февронии»*. «Повесть о Петре и Февронии» *Ермолая-Еразма как притча*, [в:] ее же, *Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники*, Сборник статей, Санкт-Петербург 1997, с. 77–95.

¹² Чтобы избежать недоразумений, хочу добавить, что мои замечания не преследуют цель доказать, что в Древней Руси, как и в Советском Союзе, «секса не было»...

письменности (как переводной, так и оригинальной) приводит к печальным результатам.

Моим студентам рекомендую **не читать эту книгу!**

Eliza Małek
Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Katedra Literatury i Kultury Rosyjskiej